

Воспоминания по Цельсию

Повесть

Автор: Нармина Мамедзаде

«Память сердца уничтожает дурные воспоминания и возвеличивает добрые, и именно благодаря этой уловке нам удастся вынести груз прошлого...»

(Габриэль Гарсиа Маркес. «Любовь во время чумы»)

Пролог

У него – плюс сорок пять градусов по Цельсию, у нее – минус десять. На двоих – одни воспоминания... На двоих – несбывшиеся надежды, недосказанность мыслей и ворох пожелтевших эмоций... Между ними, на невидимых струнах двух родственных душ, играла Лунная соната Бетховена. По тому, как менялась тональность мелодии, менялись и воспоминания...

Ая

Когда-нибудь все будет покрыто таким же белым снегом. Когда-нибудь все истории на земле будут стерты чьим-то волшебным ластиком затем, чтобы переписать их заново, начав с чистого листа. Когда-нибудь кто-то перепишет и мою историю. Может быть, она будет совсем другой. Казалось, снегом покрыты не горы, а моя душа, сердце и тело 36-го размера. До вершины было еще далеко – пришлось немного передохнуть. Белый цвет пронизывал, ослеплял, так же, как и мои чувства к тебе. Устала. От снега, от мыслей, от тебя...

Порой так хочется стряхнуть с себя накопившиеся обиды, словно снег с ботинок на пороге дома. Выплюнуть их в белую раковину, наблюдая, как вода смывает весь накопившийся негатив, и тем самым избавиться от назойливого ощущения песка, который уже давно не дает возможности свободно дышать, в горле.

Так хочется освободиться от мыслей, грузом свисающих с моих, довольно хрупких плеч, и сказать себе: «Я свободна». Только разве так бывает? Хочется верить, что да...

От быстрой ходьбы кожа под теплым свитером взмокла; на лбу, под шапочкой, появились капельки пота. Вытерев мягкой ушанкой пот со лба, невольно вспомнились твои нежные прикосновения... Ты улыбался мне глазами, а затем долго и жадно целовал в губы....

– Ая, почему ты такая сладкая?

– Наверное, потому, что меня пробуют твои губы, – жмурясь от очередных ласк, отвечала я.

– Хитрая, всегда знаешь, что сказать в нужный момент. Улыбаюсь своим воспоминаниям. Улыбаюсь и просто скучаю по тебе...

Аяз

Сегодня опять невыносимо жарко. Градусник тщетно пытается удержаться на сорока пяти градусах, но красная стрелка норовит подняться выше.

Моя любимая кружка с резиновыми крылышками слегка расплавилась под раскаленным солнцем. Обидно. Я забыл ее на балконе вчера вечером, а утром, не заметив ее на месте, обнаружил: резиновые крылышки немного подпортились. Помню, как ты ее подарила. Долго прятала за спиной, а затем поставила на стол и убежала. Прямо, как маленький ребенок, хотела понаблюдать за моей реакцией из-за двери... Ая... Аюшка... Ты любила делать подарки, по поводу и без него. Ты как-то сказала, что твоей целью является заполнить мою квартиру вещами, которые напоминают о тебе. Знаешь, тебе удалось. Переехав в чужой город, я невольно заполнил чемодан «твоими» вещами.

Смотрю на расплавленные крылышки у кружки и думаю, что же произошло с нашей открытостью. Куда пропало ощущение полета? Разлука медленно плавит наши крылья, которые мы приобретаем за то время, что проводим вместе.

Впервые услышав твое имя, я не сразу понял как тебя зовут.

– Как, как? Ая? Разве бывает такое имя? – удивленно спросил я.

– Конечно, – с полной серьезностью ответила ты. – Ая – это строфа из Корана, а значение самого слова – знак от Бога.

– Необычно, а, главное, красиво и коротко. Знаешь, а нас с тобой разделяет всего одна буква.

– Какая? – недоуменно спросила ты.

– Буква «З». Меня зовут Аяз, – улыбнулся я в ответ...

Ая

Чувствую себя зажатой в соковыжималку. Будто бы жизнь медленно вытягивает из меня все соки. По капле... Не хочу идти дальше, но надо. Жизнь не станет намного легче, если спрятаться под одеяло и попытаться уснуть. Все равно, рано или поздно, придется проснуться. И дрогнувшим голосом спросить себя: «И что дальше?»

Продолжаю подниматься вверх по склону. Знакомые ребята сказали, что на самом верху водопад. Загадала желание. Одно из тех самых, несбыточных... Вспомнила себя в детстве, вечно просящую... Все равно иду вперед, верю... Другого не остается...

Ты помнишь, как мы с тобой познакомились? Ника устраивала очередную «afterparty» – веселые посиделки после выставки, посвященной какому-то молодому художнику. На самой выставке ты, скорее всего, не был, так как я увидела тебя среди гостей уже на самой вечеринке.

Мужчины часто думают, что они первыми делают шаг по направлению к понравившейся им женщине. Наивные, они не знают – мы замечаем их гораздо раньше и направляем в нужную сторону. Заметив тебя издали, разговаривающего с Никой, я позволила тебе меня заметить.

Осторожно, словно грациозная, нежная лань перед охотником, я прошла, улыбаясь, сверкая топазами светло-карих глаз. А ты... Ты заметил и с того момента не упускал меня из виду. Помнишь?

Смешно вспоминать наш с тобой первый разговор, тебя удивило мое имя, как, впрочем, и я сама. Ну, кого не удивит девушка, рассказывающая о болезни своего кактуса. Самой смешно, но на тот момент, это меня, действительно, волновало. Он, то бишь кактус, был своего рода другом.

Когда-то, много лет назад, я потеряла одного человека, и в тот же самый день кто-то случайно опрокинул кактус на пол... Не знаю почему, но я долго стояла на балконе и, поливая колючки сломанного кактуса слезами, просила его выжить... Он выжил, веришь! Он меня услышал, будто чувствовал, как мне нужно было хоть немного чуда, пусть даже кактусового... И в день вечеринки, устроенной Никой, он опять умирал, на сей раз от болезни...

Не позволяя мне его спасти. Он будто бы хотел уйти из моей жизни, тем самым пытаясь мне что-то сказать... Только вот что?

Летом того же года, сидя на даче своего дяди в окружении его соседей, речь зашла о растениях, и я не могла не похвастаться своим огромным кактусом. Соседка дяди, бросив на меня испытующий взгляд, поспешила предостеречь:

– Если хочешь выйти замуж, избавься от него. Незамужней девушке нельзя держать дома кактус.

Помню, как я разозлилась, сказав:

– Как можно избавляться от друзей?..

Вот об этом примерно и был наш первый разговор. Ты стоял довольно близко, улыбался и кивал, словно хотел сказать: «Я тебя понимаю. Ты мне нравишься».

А я говорила и говорила, скрывая желание тебя обнять за рассказом о друге. И не важно, что другом мне был огромный кактус, разве колючки мешают дружить?

Аяз

Жара не спадала даже вечером. Единственным утешением был бар на 45-ом этаже нового отеля. Здесь было много таких, как я... Одиноких, но притворяющихся, что у них все хорошо.

Роскошь бара выбивала из реальности, перекрывала мыслям дорогу к моему истрепавшемуся сердцу. Диваны и высокие, барные стулья были обтянуты нежнейшей кожей молочного и серебристого цветов. Подушки расшиты стразами, от блеска которых рябило в глазах. Блестящие подвески в виде маленьких слезинок, свисая с изящных подсветок бара, раскачивались в такт музыке, будто пытались усыпить сознание. Маленькие хрустальные пепельницы напоминали туфельки заблудившейся золушки, которая уже не ищет принца. Бордовые розы в высоких серебряных вазах казались почти черными на фоне общего полумрака. А может, они почернели от вечной тоски...

Музыка пробуждала ото сна самые скрытые желания. Хотелось закрыть глаза и утонуть в круговороте музыкальных волн.

Женщины порхали в своих маленьких блестящих платьях и туфельках от известных дизайнеров. Сопровождающие их мужчины мягко ступали по ковровому покрытию бара в блестящей лакированной обуви, изредка бросая взгляд на запястья с дорогими часами... Все они были частью обстановки, частью этой роскоши. Казалось, с наступлением света все это исчезнет – вместе с ними, вместе со мной. Останутся лишь воспоминания...

Ая... Длинные черные кудри вечно путались, переплетаясь между собой маленькими морскими змейками. Я был единственным, кому ты позволяла играть со своими волосами. Иногда я случайно делал тебе больно, задев спутавшиеся между собой локоны, но ты лишь улыбалась, не пытаясь убрать мою руку.

Карие, живые глаза вечно в поисках ответа на нескончаемые вопросы... Каюсь, часто я отвечал всего лишь улыбкой, что вызывало твое негодование. Ты противилась, хмурила брови, но я знал, что ты не обижаешься – ты слишком сильно меня любила...

Ая... Маленькие ступни еле слышно перебежали из спальни на кухню в поисках съестного поздней ночью. Глаза полуоткрыты, в полусне. Тебе всегда хотелось есть после полуночи. Я не мог тебя отучить, даже предупреждая о возможной прибавке в весе. Тебя это не волновало, скорее забавляло:

– Поправлюсь, стану толстушкой! Будешь меня любить? Маленькая смешная мышь.

Ая... Хитрая улыбка, высунутый кончик языка. Я с серьезным видом, на самом деле изо всех сил пытался не рассмеяться.

– Ну, плиз, я же хочу туда пойти.

Ты любила посещать все мероприятия, кино, выставки, дни рождения наших, к тому времени уже общих, друзей. Я долго сопротивлялся, хотя знал, что в итоге уступлю. Мне просто нравилось тешить свое мужское самолюбие временными отказами, хотелось, чтобы ты просила, хотелось осознавать собственную власть над тобой.

Ая... Ая... Ая...

Ая

Казалось, я поднимаюсь по склону уже час, а часы показывали: подъем занял всего 15 минут. Странно. Здесь, на высоте, на снежном склоне, время будто замедлило свой привычный темп. Там, внизу, оно неумолимо двигалось вперед, не спрашивая, не устала ли я за ним бежать.

Вопрос – ответ, вопрос – ответ... Поднимаюсь – вопрос, останавливаюсь – ответ. Или же наоборот. В любом случае вопросов больше. Больше, чем хотелось бы.

Пытаюсь вспомнить твое лицо. Не получается. У меня все еще сохранились наши старые фотографии. Не смогла удалить, держу в ящике стола на флешке. А вот в памяти лицо стерлось само собой. Закрываю глаза, силясь вспомнить. Появляются очертания. Призрак... Тот, кого нет...

Я уже давно перестала отгонять воспоминания. Какой смысл? Разве от этого ты перестанешь существовать в моей жизни? Глупо, и от этого еще обиднее, еще больнее...

Вибрация телефона заставляет остановиться и тем самым отвлечься от мыслей:

«Привет, моя родная девочка. Как там, в горах, не холодно? Не простужайся. У нас все хорошо. Мы тебя любим и ждем. Мама и Зайка». Улыбаюсь.

«Я тоже люблю вас, мамочка», – сняв перчатки, пишу обратное сообщение.

Мамины сообщения всегда остаются в памяти телефона. Раньше я хранила сообщения от трех людей: мамы, Ники и Аяза. Теперь там только мамини электронные письма и последнее от Ники...

Скучаю по ней. По ее оптимизму, улыбке, по ее манере убеждения, по ее способности выводить меня из депрессии... Последнее время мы не так-то и часто виделись, я была занята маленькой Зайкой, Ника своим бизнесом, каким-то чудом совмещая это с заботами о семье, о муже. Но все это не мешало нам быть теми, кем мы являемся друг для друга. Родственны- ми душами.

Вот уже больше полгода, как Ники со мной нет. Она погибла в аварии. Говорят, это была ее вина... Не знаю, не хочу знать... До сих пор не верю, что она не ворвется ко мне домой и не заставит подняться с кровати. Что она не потащит меня по магазинам покупать то, что нам совсем не нужно. Что она не...

Мне всегда казалось, что со мной что-то произойдет. Никогда не могла подумать, что произойдет с ней. Такое ощущение, будто бы я забрала ее жизнь... Ведь она дала мне новую...

Набираю еще одно сообщение. Человеку, ставшему мне очень близким после смерти Ники, – Тамерлану. Или Тамику, как мы привыкли его называть. В последнее время мы часто общается. Он навещает Зайку или же просто звонит поболтать. Я знаю, как сильно ему не хватает сестры-близнеца. Мне ее не заменить, но через меня Тамик черпает ту недостающую энергию, которую давала ему Ника. Мы не говорим о ней, не вспоминаем, не затрагиваем болез- ненных тем. Мы будто бы заключили бессловесный договор не заговаривать о том, что причиняет боль. Убираю телефон в карман и отвечаю на вопрос, крутящийся в голове еще до маминой смс-ки: нет смысла гнать прочь то, что является частью тебя. От воспоминаний, как и от страхов, нелегко избавиться. Единственный способ – это отпустить. Пусть река времени сама выведет меня на берег. Пусть. Иду дальше...

Тамик. Брат Ники

Останавливаю машину около такси. Когда-то белая «Лада» теперь почти полностью покрыта желтоватой шпаклевкой. Старый таксист в коричневой дубленке – явно любитель экстрима на дорогах.

– Брат, сигареты не найдется?

Таксист протягивает мне пачку дешевых сигарет и подносит зажигалку, на которой нарисовано два сердечка. Улыб- нувшись зажигалке, явно не соответствующей грозному виду таксиста, произношу вслух эту, только что посетившую меня мысль. Таксист не удивляется, скорее, наоборот:

– Девушка подарила. Красивая. Говорит, что любит. Повертев в руках свой трофей, добавляет:

– Лишь бы жена не узнала...

Отъезжаю с привкусом горьких дешевых сигарет во рту и сжимающими сердце воспоминаниями... Ника... Она всегда злилась, когда заказчики не могли вовремя расплатиться.

– Каждый раз обещаю себе не делать ничего, пока не заплатят. Надоели! – со злостью в голосе говорила она, закуривая очередную сигарету.

Я никогда не курил. За исключением сегодняшнего дня, ко- гда хотелось заглушить горечь в сердце мерзким привкусом сигарет...

После смерти Ники я вовсе перестал общаться с ее мужем. Я с самого начала был против их брака, но Ника, как всегда, что-то пыталась доказать. То ли себе, то ли всему миру. Видимо, этим браком она хотела доказать себе, что достаточно сильная, чтобы жить бок о бок с нелюбимым человеком. Не знаю, кого именно напомнил мне таксист: Нику, периодически изменявшую нелюбимому мужу, или ее мужа, скрывавшего истинные чувства за мнимой любезностью? Теперь уже и не разберешь...

Писк мобильного заставляет припарковать машину возле тротуара. Я не всегда был таким осторожным, а с недавнего времени вождение перестало приносить мне удовольствие, тем самым избавив от желания нарушать правила.

– Привет Тамик! Как ты, братишка? Поднимаюсь в гору, на водопад, загадала желание, надеюсь, добреду... Помолись за меня... Люблю, целую. Это Ая.

Открываю окно и выкидываю сигарету вместе с воспоминаниями на мокрую мостовую. Да хранит тебя Бог...

Аяз

Закуриваю сигару. Сладковатый дым уносит меня далеко-далеко в прошлое. Тебе никогда не нравился их запах. Ты распахивала все окна, надевала мою куртку и забиралась с ногами на диван, ожидая, когда я закончу курить. Смешная. Я так и не бросил. Не бросил ни одну из своих вредных привычек. Хотя это не совсем так, если учесть, что ты тоже была своего рода привычкой. Моим наркотиком, дозой, которая должна была присутствовать у меня в крови. А теперь я – как бывший нар- коман. Если таковые существуют... Если можно бросить то, что дает возможность жить.

Я стараюсь не задумываться. Разве есть смысл думать о том, что уже произошло. Тем более, я сам в какой-то мере положил всему конец. Может, так оно и лучше. Разве ты могла бы быть счастлива с таким, как я? С человеком без сердца. Кажется, именно так ты меня назвала в тот самый день. В день, когда разбились все зеркала нашего счастья...

Прости, если сможешь...

Вспоминаю моменты нашей жизни. Ты как-то сказала, что я многое воспринимаю, как должное, а не как подарок судьбы. Я, наверное, просто устал от так называемых подарков судьбы. Жизненные молоточки так часто ударяли меня по голове, что я перестал их ощущать. Просто подставлял голову перед очередным ударом, не пытаюсь увернуться. Больно не было, всего лишь раздражало ощущение собственной никчемности перед ударами судьбы.

Когда ты появилась в моей жизни, в тот самый день на вечеринке, я вдруг заметил, как улыбаюсь тебе всем сердцем. Почувствовал твоё тепло... Тебе казалось, что я привыкаю к обыденности наших дней, а я всего лишь расслаблялся, на время забывая о настойчивых молоточках.

Часто задумываюсь, чем ты сейчас занимаешься, как живешь, с кем общаешься? Я ведь почти ничего о тебе не знаю. Дым от сигары медленно поднимался вверх, заволакивая хрустальные подвески. В какую-то секунду мне привиделось твоё лицо, грустные глаза и прикушенная нижняя губа... Будто бы ты устала...

Ая

Устала, еле дышу. Я обязана подняться наверх, иначе мое желание не исполнится. Думаю и осознаю, насколько глупо это звучит, но против себя не пойдешь, а против своей веры – тем более.

Ты говорил, я упрямая. Не могу не согласиться. Были моменты, где мне стоило поступить иначе, поступить правильно, так, как установлено неписаными законами жизни. Но я всегда поступала, как взбрело в мою взбалмошную голову. Ударялась и шла дальше. Глупая.

Часто задаюсь вопросом, как бы я поступила сейчас? Тогда мне казалось, что вместе с разорванными нитями наших отношений я избавлю себя от паутины вечного страха и страданий. Сделав себе слишком больно, я перестану чувствовать боль...

Я ошибалась... Стало больно жить. По покрасневшимся щекам текут слезы. На самом деле я не плачу, я давно перестала плакать по тебе, по себе, по утерянному счастью. Это просто вода. Соленая вода Каспия. Идиотская отговорка, но мне так легче жить.

Шум водопада становится более отчетливым – значит, я на верном пути. На пути к молитве. На пути к желанию. На пути к тебе...

Звонок телефона вырывает меня из белоснежной среды и заставляет замедлить шаг... Дисплей телефона высвечивает имя моего старого и верного друга. Не хочу, чтобы он догадался о моих слезах, не хочу беспокоить понапрасну...

– Привет.

– Здравствуй, Аюшка, как поживаешь, милая?

– Да так, жива пока.

– Ну, и слава Богу! Как мама, Зайка?

– Все хорошо, только я не с ними, далеко забрела, взбираюсь на снежную гору, на водопад, загадала желание, – отвечаю и не могу не улыбнуться всей нелепости своей ситуации...

– Мечты сбываются, помни это. Позвони, когда найдешь.

– Что найду?

– Свое счастье, – отвечает Расим и отключается...

С Расимом мы познакомились давно, задолго до Аяза.

– Столько друг друга не знают, – порой шутил он – известный художник, безумно талантливый человек и очень верный друг. Порой сама удивляюсь, как он до сих пор меня терпит.

Мое нытье, перманентно грустный вид, рассказы ни о чем. Я никогда не говорила с ним об Аязе. Поначалу была слишком занята обретенным счастьем, затем наоборот...

Попала я к нему случайно, а может, и нет. Ника забрала меня с работы и попросила заскочить к художнику, чтобы договориться о предстоящей выставке. Первое, что поразило меня в его квартире, был потолок. Это был не просто обычный потолок старинного дома, это был шедевр. Серо-голубой небосвод, пушистые облака со слегка потемневшими краями. Это было небо перед летним дождем. Именно летним, судя по легким оттенкам и свету... Видимо, я дольше должного засмотрелась на потолок с открытым от удивления ртом, поэтому Нике пришлось меня даже толкнуть.

Расим как раз был умилен моей реакцией и предложил нам задержаться на чашку чая. Так как я сразу согласилась, Нике не оставалось ничего другого, как остаться. Не помню, о чем мы говорили, как долго просидели в тот вечер, но Ника явно была недовольна, особенно, когда я согласилась позировать для портрета.

– Ты окончательно сошла с ума, – злилась Ника, когда мы, наконец, вышли от художника.

– Ну ладно тебе, Ник, ну я очень хочу свой портрет.

– Будет тебе и портрет, и художник в придачу. Он, кажется, вдовец. Или жена сбежала от обиленного натурщиц?

– Ты злая, – улыбнулась я и показала язык.

Расим, художник

Ее голос заставлял дрожать другой голос – самый сильный. Голос мужчины, которого многие боялись, многие не любили, некоторые даже ненавидели. Ая... Девушка, которая перевернула мою жизнь. И сложно сказать: с ног на голову или наоборот. Казалось, до нее небо на потолке моей квартиры было всего лишь голубой краской, небрежно размазанной старым, разочаровавшимся в жизни художником.

Она была тем самым единственным лучиком, светившим в нарисованное окно под потолком, она была для меня всем. Знал ли я про Аяз? Конечно же, знал. Знал, презирал и ненавидел, наверное, настолько же сильно, насколько она любила этого паренька.

Рождение маленькой Зайки стало для меня своего рода благословением Божиим. Своих детей Бог не дал. Женщина, которую я когда-то любил, умерла незадолго до того, как я, наконец, решился оформить наши с ней отношения... Жену я не любил, детей от нее не слишком-то хотел, да и она так и не смогла родить. Судьба зачастую отвечает взаимностью там, где взаимности совсем не ждешь...

С тех пор, как Аяз уехал из города, Ая стала чаще появляться у меня дома, даже несколько раз приводила маленькую Зайку. Тихий, но довольно ненавистный голос совести шептал после каждого ее визита: «Как ты смотришь ей в глаза, если являешься причиной ее несчастья». Да разве я виноват, что всего лишь замолвил словечко нужным людям, чтобы Аязу предложили контракт за границей, от которого трудно было отказаться? Разве я виноват, что паренек предпочел карьеру вместо того, чтобы нянчить деток вместе с Аей? Разве я виноват?

Что бы ни говорила совесть, одно я знал точно: ни один самый заманчивый контракт не смог бы заставить меня уехать от женщины, которая перевернула вверх дном всю мою жизнь.

Она пришла ко мне со своей подругой Никой. Взглянув на нее, я сразу же увидел в ней свой шедевр – портрет женщины, которую давно искал, и был непомерно рад, когда она согласилась позировать. Каждый сеанс давался все тяжелее и тяжелее. Я разрывался между желанием рисовать и проводить с ней время, слышать ее голос, наблюдать за мимикой лица, лицезреть ее улыбку...

Этот портрет так и остался не выставленным в галерее или где-либо еще. Уже заканчивая, я знал, что никогда и никому не покажу его. Слишком много тайн моей скрытой доселе души было раскрыто в одном портрете молодой женщины. Свет, исходящий от ее кожи, говорил о моем желании быть любимым, темные локоны – о моих одиноких ночах, темнота ее глаз – о тайных желаниях, блеск губ – о безысходности моей ситуации. Портрет будто бы кричал и молил о спасении утопающего в нем художника. Медленно вдохнув в себя запах, исходящий от портрета, я набрал до боли знакомый номер...

Тамик, брат Ники

Баку плачет проливным дождем, будто обиженное дитя...

Мне тоже хочется плакать. Хочется почувствовать себя ребенком, зарывшись головой под подушку, надеясь, что, наплакавшись, мир вокруг изменится и все окажется плохим сном.

Мама всегда приходила меня успокоить, когда я плакал по ночам. После ее смерти это делала Ника. Моя сестра-близнец всегда была старше, взрослее меня. С годами я даже привык к ее опеке.

Вечно опекаемый, я любил Нику всем сердцем. Нам было по десять, когда меня первый раз избили мальчишки из параллельного класса. Я лежал на полу грязного школьного туалета в крови, но мне не было больно. Вся боль улетучилась вместе с ударами, которые мне наносили, вместе с теми грязными словами, которые я отпускал в их адрес, потому что они оскорбили мою сестру. Больше меня не били... Аяз был одним из них. Одним из тех маленьких подонков, пинавших меня ногами...

Не знаю как, но на выпускном вечере Аяз пригласил Нику на танец, и, к моему удивлению, она согласилась. Они медленно двигались под одну из наших любимых в то время песен группы Roxette, а я стоял и пристально смотрел на нежную фигурку сестры в золотистом платье. Она улыбалась, кокетливо склонив голову ему на плечо. В какой-то момент наши с Аязом взгляды столкнулись, и он мне подмигнул. Что-то было в этом жесте, что-то из детства, что-то из школьного туалета... Ника и Аяз с тех пор сдружились. А я так и не смог... Забыть или простить.

Ника никогда не признавалась, но я знал, что Аяз ей нравится. Не в ее характере было говорить о чувствах, даже со мной. На любые мои попытки заговорить она целовала меня в нос со словами: «Не бери в голову, малыш».

Я и не брал, до того самого дня, когда первый раз застал сестру в слезах. Я зашел в мамину комнату, где теперь спала Ника, и увидел ее плачущей. Растерялся, не знал, что делать. Она и тут подсказала:

– Тамик, иди сюда, обними меня покрепче.

Я обнял, как в детстве, когда она убегала, а я набрасывался на нее и сжимал в объятиях.

В ту ночь мы уснули вместе. Я так и не узнал, что же случилось между сестрой и Аязом, но спустя несколько месяцев Ника вышла замуж за одного из своих бесчисленных поклонников. Отговаривать не было смысла, это был своего рода протест, крик отчаявшейся души на мольбу о помощи. Хотя она и не просила о помощи. Слишком гордая... Непокорная...

Аяз

Напротив меня садится парочка. Громко смеются. Он обнимает ее и заказывает виски. Официант приносит два бокала. Он, улыбаясь, просит унести один и заказывает что-то безалкогольное. По жестам я понимаю, что его спутница в положении.

От дыма сигары затошнило, пришлось потушить ее в изящной пепельнице. Прошу официанта принести что-нибудь покрепче. Хочется напиться и забыть. Забыть о том, какая я сволочь.

Перед глазами мелькает маленькое кафе, в котором мы часто пили кофе по субботам, твой усталый взгляд, сжатые губы, пальцы, сжимающие сигарету... Ты позаимствовала эту глупую привычку у Ники. Чего я никогда не одобрял.

Только сейчас я осознаю, чего тебе стоило начать этот разговор. Тебе, слишком гордой, для того, чтобы показать, как я тебе нужен.

– Аяз, не знаю, не хочется верить, но кажется... В общем, кажется: у меня задержка...

– Не выдумывай, Ая, этого не может быть. В конце концов, сделай что-нибудь, ты же женщина, вы же должны знать, как выйти из такого положения.

Говоря эти слова тогда, я не совсем осознавал всю серьезность ситуации, тот страх, закравшийся в твое маленькое, но очень храброе сердце.

– Ты ведь не хочешь ребенка, Аяз?

Мне задали этот вопрос, заранее зная ответ, заранее зная исход ситуации, заранее решив для себя, что будет с нами после этой встречи. Заглядывая в прошлое, в то самое маленькое кафе у дороги, я думаю, что ты должна была меня переубедить. Но ты – одна из тех редких женщин, которые верят только в собственные силы.

– Ая, какой ребенок? Ты хоть понимаешь, что ты говоришь?

У меня подписан контракт, я должен уехать через месяц- другой. Ты же большая девочка, умница, ты сама все прекрасно понимаешь. Всему свое время.

– Да, и детям тоже... Ты прав, я не подумала.

– Только прошу тебя: без иронии.

– Все нормально, Аяз. Может, ты и прав. Я, наверное, не беременна, это перемена климата, стресс...

– Все будет хорошо, милая.

Не помню, что ты ответила, но лучше бы ты меня ударила.

Была бы по лицу до тех пор, пока я не пришел в себя, не осознал всю чудовищность и нелепость своих слов...

После того самого разговора мы больше не общались. Я пытался вызвать тебя на разговор, даже звонил Нике. Но ты была непреклонна в своем решении меня забыть...

Мне тебя не хватает... Честно...

Ая

Шум воды совсем близко, но я очень устала. Силы на исходе, блестящая поверхность снега притягивает к себе. На секунду сажусь и сразу поднимаюсь. Джинсы моментально намокают. Ощущение холодного и мокрого материала заставляет меня вздрогнуть...

Ненавижу и панически боюсь запаха больниц. Ника держит меня за обе руки, которые предательски дрожат. Немного тошнит, стараюсь не обращать внимания, так как меня всегда тошнит на нервной почве. Хочется оттянуть момент. Я готова простоять весь день в больничном коридоре, но чтобы потом мне разрешили идти домой, сказав, что я тут по ошибке, и все это происходит не со мной.

Мои призрачные мысли рассеиваются с приходом медсестры, которая зовет в палату, протягивает белый халат и просит раздеться. Руки не слушаются, и я долго вожусь с холодной тканью. Ника осталась за дверью, она не позволила мне прийти одной.

– Совсем с ума сошла. Я ни на секунду тебя не оставляю, слышишь?

Но я не слышу, не вижу, не понимаю. Я хочу к нему, хочу уткнуться ему в грудь и долго плакать.

Ложусь на холодную кушетку и мечтаю превратиться в белый дым, медленно рассеяться в прохладном воздухе больничной палаты, смешиваясь с запахом человеческих судеб. Приходит врач, чтобы осмотреть меня еще раз:

– Ну что, вы готовы? Вы, главное, не волнуйтесь, и все будет хорошо.

Готова? К чему? Мысли бешено крутятся в голове. Вроде бы безобидные слова врача вселяют в меня ужас. Готова ли я?

Разве палачей спрашивают, готовы ли они убить свою жертву? И если да, то почему я в роли палача, готового принести в жертву собственную жизнь, свое будущее?

Страх сжимает мое горло, мне нечем дышать. Единственное, что я успеваю, это позвать Нику...

В голове «Лунная соната» Бетховена. Аяз играл на фортепиано, когда я его настойчиво просила об этом. Почему-то именно это произведение запало мне в душу с самого детства. Услышав эту сонату еще в школе, я запомнила ее навсегда.

Весенний ветерок заигрывал с полупрозрачной занавеской в спальне, с моими волосами на подушке, дразнил и одновременно манил своей легкостью, своей невесомой сущностью...

...Аяз вышел принести воды, но задержался. Я захотела его позвать, как вдруг услышала мелодию. Я видела пианино в гостиной, но никогда не думала, что играет он.

Мелодия черно-белых клавиш ласкала мой слух, мою душу, мое тело. Казалось, Аяз рядом, медленно, в такт клавишам, покрывает мое тело поцелуями, играя сонату Бетховена на струнах моего сердца, которое переполнено нежностью к нему, к весне, к мелодии, к нашей зарождающейся любви...

Расим, художник

Воспоминания – это осколки пережитого. Счастливые фрагменты прошлого мы собираем в красочные пазлы, а несчастные царапают нам души...

Как назвать ту, которая красочной мозаикой своего существования до крови исцарапала мое сердце?

Как-то позвонила Ника, сказав, что хочет заехать. Я не со- всем понял, для чего, так как на тот момент нас не связывали никакие деловые отношения. Она приехала вскоре после своего звонка – взволнованная, нервная. Я ее никогда такой не видел.

– Я хочу тебя кое о чем попросить, Расим.

– Кофе? – предложил я вместо немедленного ответа, тем самым желая оттянуть момент размышления над просьбой, исходящей от человека, с которым меня связывала одна единственная выставка.

– Нет, не хочется, лучше воды.

Я медленно наливал воду в стакан, будто бы измерял терпение Ники в секундах.

Она опустошила весь стакан и села на барный стульчик на кухне.

– Так о чем же ты хотела попросить?

– Я хочу попросить, вернее, поговорить об Аязе. Это парень Аи. Ты, наверное, знаешь, она не могла не рассказать.

– Хмм, не припоминаю, – ответил я, спрятав глаза от пронзительного взгляда Ники.

Отчасти я был прав – Ая никогда не говорила со мной об Аязе. Тем не менее, я знал его и был причастен к его поспешному отъезду из Баку.

– Это не важно, говорила или нет. Мне нужна твоя помощь.

Я хочу, чтобы он вернулся. Сам он не приедет. Ая никогда не скажет ему о ребенке, а ты сможешь, у тебя влиятельные знакомые. Направь его обратно, надо расторгнуть контракт.

– Да что ты так взъелась на паренька! Уехал – и Бог с ним. Что ей, плохо без него?

– Расим, ты не понимаешь, у них общий ребенок. Ая любит его...

– Правда, дорогая, я не знаю, что тут можно сделать, в конце концов, ты не можешь решать за нее.

Ника встала и пошла к двери. Я был рад завершению разговора, но стало немного не по себе.

Дойдя до двери, она обернулась, посмотрела на меня со- всем не тем хищным взглядом business woman, к которому я привык, и сказала:

– Расим, я когда-то безумно была в него влюблена, даже замуж вышла за своего идиота в отместку – хотела доказать, что он без меня не сможет. Он смог. Внезапное появление Аи в моей непонятной жизни было своего рода подарком свыше, я сильно к ней привязалась. Поэтому комментарии моего благоверного, о том, что Ая для меня дороже, чем собственный муж, не беспочвенны.

Ника горько улыбнулась и продолжила:

– В тот день, когда Ая и Аяз сошлись, я не совсем понимала своих ощущений на этот счет. Я видела их вместе и не знала, как реагировать. Но когда Ая рыдала у меня на руках после их разрыва с Аязом, когда я спустя пару недель везла ее в больницу, когда я, волей судьбы, стала тем последним звеном между жизнью и смертью, я вдруг осознала, что люблю ее больше, чем когда-либо любила его...

Я молчал...

– Тебе, наверное, этого не понять. Разве влюбленный в портрет может полюбить самого человека? – кивком головы указав на портрет Аи, произнесла она и ушла.

Я еще долго стоял перед закрытой дверью, а у меня в ушах раздавался стук каблучков Ники, сбегавшей вниз по лестнице.

Спустя какое-то время, я узнал: уехав от меня в тот день, Ника попала в аварию и скончалась на месте...

Аяз

Шум музыки бьет по голове. Хочется на воздух. Расплачиваюсь и выхожу на улицу. Даже в это время суток в этом уголке земли душно и жарко. Мне нечем дышать. Нечем заглушить эту боль. Больше года прошло с тех пор, как я уехал. Больше года ничего о тебе не слышал. Даже твоя подруга Ника удали- ла меня из всех возможных контактов. Думаю, она ненавидит меня больше, чем кто-нибудь... Больше года в моей жизни нет тебя, значит, меня самого тоже больше нет...

Прости меня, Ая, если можешь, прости... Часы с маленьким синим камушком в центре показывали 5 утра. Эти часы подарила мне ты на день рождения. Подарила и попросила:

- Аяз, дай мне пару манатов, будем считать, я часы тебе продаю.
- Ая, что ты еще придумала? – улыбнулся я, вытаскивая из портмоне мелкие купюры.
- Не знаю, Ника сказала: дарить часы – плохая примета, к разлуке... Не хочу тебя терять. Я не представляю, как после этого жить. Я слишком много теряла в жизни, а тебя просто не переживу...
- Перестань, глупая, кто верит в приметы. Сумасшедшая твоя Ника вбивает тебе в голову всякую чушь.
- Она любит меня, любит и даже немножко ревнует к тебе.
- Только этого нам не хватало.

Помню, я тебя еще долго обнимал, говоря, что ни в коем случае не буду делить тебя с Никой. Не отдам ей ни кусочка. Ты кокетливо смеялась, и я знал, что тебе это безумно нравится...

Нику я знал со школы. Мы сдружились на выпускном. Помню, как пригласил ее на танец. Попытался также подружиться с ее братом-близнецом, но Тамик не был настроен на общение со мной. Может, наша детская ссора сыграла свою роль, может, он ревностно относился к сестре. Не знаю...

...С Никой и после школы нас связывала своего рода дружба. Нам нравились шумные вечеринки, институтские пьянки, да и просто мы оба любили повеселиться. Заводной характер Ники служил своего рода зажигалкой нашей с ней дружбы. До тех пор... До тех самых пор, пока мы не перешли определенный рубеж между дружбой и чем-то неизведанным... Сами того не понимая, мы ходили по хрупкому льду, которому суждено было сломаться прямо под нашими ногами... Нам тогда казалось, что веселье бесконечно, что забавам нет предела, что ни один из нас не сорвется...

Мне было больно терять друга в лице Ники, но я вскоре стал понимать, как далеко мы заходим. Ника устраивала сцены ревности, я жил под каким-то контролем. Дружба распадалась вместе с кусочками льда под нашими ногами...

Подул легкий ветерок воспоминаний, будто бы сбился с пути и попал в этот жаркий и душный уголок земли... Прозвучал Азан. Признаюсь, раньше я никогда не обращал на него внимания, а в последнее время мелодия Азана разрывает мою и так истерзанную душу на клочки. Сердце сжимается от тоски – тоскует по тебе, по родине, по жизни, которая у меня была раньше...

Не отдавая себе отчет в действиях, я медленно опускаюсь на колени. Мне все равно, где я нахожусь, меня не волнует, увидит ли меня кто-то. Моя душа ищет покоя. Покоя, которого я не могу обрести давно.

Поднимаю голову к небу и прошу прощения у Бога. За все. Хочется услышать хоть чей-то голос. Твой номер все еще в списке контактов, но я не решаюсь. Звонить Нике – значит напороться на упреки, а мне просто хочется поговорить, просто услышать струны голоса своего прошлого...

Прокручиваю имена в телефоне и натыкаюсь на номер Тамика.

Тамик, брат Ники

Прогноз погоды неутешительный. В последнее время приходится много работать. После того, как Ники... В общем, мое пассивно-депрессивное состояние нарушила Ая. Она пришла без звонка, просто пришла через неделю после похорон Ники, тяжело дыша, сказав, что лифт не работал, и она еле поднялась. Мне не хотелось никого видеть, но она не уходила. Села на диван, попросила чаю, потом еще и перекусить, но в доме не оказалось еды. Я был захвачен врасплох, когда она предложила пойти

пообедать вместе. Так Ая вошла в мою жизнь, вместе с ее желанием часто есть, большим и круглым на тот момент животом и грустной улыбкой.

Сейчас понимаю: если бы не Ая, я бы окончательно свихнулся после смерти сестры. Мы старались проводить как мож- но больше времени вместе, хотя каждый был по-своему занят.

Я – делами, бизнесом, Ая – работой, затем ребенком. Она заставила меня взять на себя бизнес Ники, продолжить начатое. Вместе со мной обзвонила клиентов, сказала, что теперь организацией мероприятий буду заниматься я.

– Айка, ну не смогу я, серьезно, не мое это. У нее получалось, а меня от всего этого тошнит.

– Тошнит тебя от только что съеденной пиццы, а с работой ты справишься, вот увидишь. Ну, пойми, вы же близнецы, у вас все должно быть одинаково.

– Нет такого утверждения, Айка.

– Ну, нет, так значит будет. Не спорь, видишь, малышка толкается.

Мне и не хотелось спорить, я любил Аю и ее еще не родившуюся малышку. Нет, я не был в нее влюблен, я любил ее, как родного, близкого мне человека, как самое дорогое воспоминание, оставшееся от Ники...

Заиграла «Лунная соната» Бетховена. С недавнего времени эта мелодия звучит при всех входящих звонках моего мобильного. Я слышал ее у Аи, вот и решил позаимствовать. Она часто укачивала малышку под эту мелодию.

– Алло, слушаю.

– Тамерлан?

Меня давно никто так не называл, даже Никины клиенты привыкли называть меня Тамик. Этот слегка хриплый голос...

Неужели, Аяз?

Я попытался как можно нейтрально и спокойно ответить, но, кажется, плохо получилось.

– Да, я слушаю.

– Это... Это Аяз...

Мне нечего было сказать, я просто тяжело дышал в трубку.

Не хватало воздуха, я опустил окно в машине...

– Я знаю, мне, быть может, не стоило звонить, но... В общем, мне было необходимо услышать знакомый голос, а кроме, как к тебе, я никому не решился позвонить...

Мне показалось, голос Аяза дрогнул... Я продолжал тупо молчать, не зная, что ему ответить. Да и что мне оставалось? Отругать и отключить связь? Произнести нравоучительную тираду о том, как надо жить? Радостно откликнуться на его звонок? Я не знал...

– Ты, наверное, не хочешь со мной говорить, – продолжил Аяз после паузы. – Я тебя понимаю. Сам не хочу с собой говорить, только вот приходится. Думал позвонить Нике, но испугался, что разговора не получится вовсе. – Аяз горько усмехнулся. – Я потерянный человек. Стремился к чему-то, делал что-то. Обманывал сам себя. Как ты сам, как сестра?

Горло превратилось в отдельный орган, который перестал меня слушаться, вышел из-под контроля. Я просто не мог вымолвить ни слова.

Перед глазами школа, смерть мамы. Мы с Никой шли в школу и держались за руки. По пути встретили нашу старую няню. Мама часто оставляла нас у нее после школы.

– Никуля, Тамичек, как дела, мои хорошие? Как мама? Прежде, чем Ника попыталась ответить, я уже проговорил:

– Все хорошо.

Не помню, как мы попрощались, но Ника долго недоуменно смотрела на меня, лишь под конец дня спросив:

– Тамик, ты зачем не сказал, что мамы нет?

– Не смог... Испугался...

Ника крепко меня обняла, а я до боли прикусил губу, чтобы не заплакать...

Вот и теперь я повторил ответ, уходящий глубокими корнями в детство:

– Все хорошо, Аяз...

– Ну, слава Богу. А как Ая?

Я знал, как сложно ему дается этот вопрос, но мне почему-то хотелось причинить ему боль.

– У Аи тоже все хорошо, она счастлива, Аяз. Она счастлива без тебя.

– Я понимаю. Понимаю, – почему-то еще раз повторил он. – Передай ей, что... Хотя нет, ничего не передавай. Будь здоров.

Аяз отключился, а я смотрел на телефон и думал, что бы сказала на мой поступок Ника...

Ая

До вершины горы оставались считанные шаги. Во всяком случае, мне так казалось. Дышать стало легче, шаги стали более уверенными. Так, наверное, бывает с каждым, кто подходит близко к цели.

Слышу урчание воды, касаюсь застывших ледяных сосулек. Должно быть холодно, но мне жарко. Расстегиваю куртку и опускаюсь на колени... Не важно, что джинсы полностью про- мокнули, не важно, что после я могу заболеть. Я знаю и верю, Он меня услышит.

Шепчу слова всех известных мне молитв: «Помоги мне, Господи, умоляю».

Мысли, как черви, съедают меня изнутри: «Помоги мне, я знаю, Ты сможешь...»

Шепчу, а из глаз текут соленые ручейки, смешиваясь с пресной водой из водопада... Поднимаю руки к небу и отчаянно прошу мне помочь:

«Прости меня, Господи. За все...» «Улыбаюсь. Улыбаюсь самой счастливой улыбкой. И пускай эта улыбка сквозь слезы. Я улыбаюсь, значит, я живу».

Эта была последняя смс-ка Ники, которую я получила незадолго до ее гибели. Не знаю, почему она послала мне это. Может, хотела что-то сказать. Нечто важное. То, что я из-за своего уныния и вечной

депрессии упустила? Кто теперь ответит на этот вопрос? Ники нет около полгода, но я до сих пор не верю, что ее нет рядом. Ведь я чувствую ее каждой клеточкой своего сердца.

Я тогда не успела ответить. То ли не сразу увидела, то ли занята была. Помню, что услышала звук принятого сообщения, но не отреагировала. Раньше, когда был Аяз, я бежала к телефону, да и вообще – по поводу и без повода – проверяла телефон на наличие хоть какого-то известия от него. После нашего расставания, его отъезда, после всего, что произошло в нашей с ним жизни, я перестала ждать. Будь то сообщение или звонок в дверь...

Почему улыбалась и в то же время плакала Ника, я не знаю. Изредка хожу к ней на кладбище, сажусь на корточки, и пристально вглядываясь в ее фотографию, шепчу:

– Никуля, что тогда произошло, милая? Где ты, моя родная девочка? Мы так скучаем по тебе, я и Зая...

Только вместо ответа на меня глядит Ника, улыбаясь мне той самой улыбкой, о которой она писала.

– Прости меня. Прости, что меня не было рядом... Прости, что редко прихожу сюда... Просто, я до сих пор не верю, что тебя...

Аяз наверняка сказал бы: «Ая, Ника не умерла, она просто переехала жить на этаж выше...»

Если бы Аяз знал... Если бы он только знал...

Расим, художник

Стены моей квартиры съедали меня заживо. Хотелось кричать. Кричать от бессилия перед судьбой, которая неумолимо смотрела мне прямо в глаза, проникая в меня через разрисованные стены гостиной и небесный потолок над головой.

Не давая себе отчета в последующих действиях, я вел себя, как самый настоящий больной, потерявший разум человек. Я развел белую масляную краску в ведре, что использовалась для уборки квартиры, взял длинную швабру, которой мыла полы соседка Солмаз, приходившая ко мне прибираться пару раз в неделю, и начал закрашивать стены.

Я закрашивал голубовато-серебристый оттенок стен, меняя на ослепительно белый. Подобный тому, который сейчас окружал женщину, которую я люблю... «Люблю ли?» Этот вопрос стучал в моей седой голове, тем самым причиняя невыносимую боль.

Стены моей когда-то роскошной квартиры медленно покрывались неровным слоем масляной краски. Мне было этого мало. Поднявшись на чердак, служивший мне своего рода мастерской, я принес стремянку. Оставалось закрасить потолок...

Не знаю, сколько прошло времени, лишь помню, что в какой-то момент стремянка пошатнулась и я, не удержав равно- весия, упал на паркет. Тело ломило от боли, я еле дышал.

Помню, когда я в первый раз решил создать из обычного потолка небесный свод, уборщица Солмаз только качала головой:

– Вы же не молодой человек, совсем себя изведете, это же какая нагрузка на сердце.

Что она знала о моем сердце, да и вообще обо мне! Я был сам себе противен! Я был в ярости на самого себя! Болел затылок, видимо от удара. Я попытался встать. Все было покрыто белой краской. Она стекала со стен, образуя лужицы на паркете, капала с потолка, пачкая и так уже

испорченный пол. Мне было все равно. Пусть все вокруг будет белым, пусть все, чем я жил по сей день, останется погребенным под белой краской.

Собравшись с силами, я решился на последний шаг. Все – так все.

Я притащил закрытую тонким шелковым покрывалом картину из спальни в гостиную. Тяжело дыша, я откинул полупрозрачную завесу, разделяющую меня и женщину, которая никогда не станет моей. Ее лик озарился ярким светом во всем этом белом начале... Словно невеста, с которой снимают фату, она смотрела на меня своими большими грустными глазами, будто бы хотела сказать: «Отпусти...»

Резким движением руки, я вылил содержимое ведра с оставшейся белой краской на портрет... Отпускаю....

Тамик, брат Ники

Не знаю, сколько я просидел с телефоном в руках. Дождливое небо медленно принимало темный оттенок вечера.

Я опять вспомнил сестру. Мысли крутились над головой, перебивая друг друга. Как бы мне хотелось задать Нике несколько вопросов. Тех самых, что мучают меня столько времени. Что именно привлекало ее в Аязе, которого я ненавидел? И почему я так сильно ненавидел его?

После смерти сестры я закрыл ее профиль на всех возможных социальных сетях, в которых она любила посидеть. Машинально зайдя в фейсбук, я набрал контакты Ники. Было неуютно смотреть на фотографию улыбающейся мне сестры. Фото было сделано на одном из последних мероприятий. Ника была в черном длинном платье с белыми иероглифами на подоле. Красивая. Радостная. Живая...

Не в силах смотреть, я закрыл сайт и открыл Никину личную почту.

Ника никогда не прятала от меня своих паролей, просто всецело доверяла. Я как-то упомянул об этом, на что она сказала:

– Тамичек, как же тогда жить на этой земле, если нельзя довериться собственному брату?

Сообщения были к кому угодно и от кого угодно. Художники, артисты, музыканты – кого тут только не было. Несколько переписок были с Аей. Бегло проглядев, я не увидел ничего особенного. Ничего из того, чего я не знал. Потеряв надежду увидеть что-либо особенное, я наткнулся на папку не отосланных писем. Там было только одно письмо. Аязу...

Наверное, минут пятнадцать я крутился по городу, чтобы привести мысли в равновесие. Ангелы определенно крутились где-то поблизости, так как я не замечал ничего вокруг – ни проезжающих машин, ни светофоров, ни дорог...

«Здравствуй, милый друг. Как поживаешь? Солнце все еще греет твою замерзшую душу? Я не знаю, зачем пишу тебе...

Ради нее, ради себя. Не знаю... Просто надоело ненавидеть, устала от чувства постоянной злости. Правда. Тебе, наверное, с трудом верится, что я могу быть другой... Смотрю на нее и заряжаюсь ее тоской, ее грустью, ее любовью... Вернись, если не хочешь прожить жизнь так, как проживаю ее я... Ника».

Вернись к кому? Кого имела в виду Ника, написав это письмо и не отослав? Дата не отосланного письма кромсала мое сердце на куски... В тот же день ее не стало. Правда ли, что мы знаем о приближении своего конца?

Я остановил машину, чтобы перевести дух. Слезы непроизвольно катились из глаз. Мне было жаль. Жаль Нику, жаль Аю, жаль Аяза, жаль себя... Мы растворялись в паутине судьбы, не имея возможности выбраться. Не пытаюсь что-то изменить...

Окончательно запутавшись в своих мыслях, я случайно отсылаю письмо... Ае...

Аяз

Сажусь в припаркованное рядом с отелем такси. Играет незнакомая мне мелодия. Откидываюсь на сидение и закрываю глаза. Перед глазами наш последний разговор, твои слезы, упрямый взгляд...

Воспоминания, словно ноты, сменяют друг друга на линованной тетради, превращаясь в мелодию моей души. И эта мелодия всегда разная. Хочется собрать все отрезки и написать одну единственную мелодию. Для тебя.

Вспомнилась твоя любимая соната Бетховена. Ты как-то сказала, что он написал ее в честь неразделенной любви. Я не Бетховен, но в моей голове играют ноты наших с тобой воспоминаний. Радостные, светлые оттенки музыки играют в честь нашего знакомства, счастливых моментов, пережитых вместе, в честь необъятного количества поцелуев при каждом расставании, ярких чувств, захлестывавших нас... И лишь минорное звучание последних нот говорит о нашей с тобой разлуке.

Признаюсь, мне, наверное, хотелось, чтобы ты меня искала. Чтобы просила, пыталась вернуть. В день своего отъезда из Баку мне было не по себе. Несколько раз порывался тебе позвонить. Хотелось спросить: как же ты так быстро забыла, как смогла все отрезать? Но я так и не решился. Ни тогда, ни после, уже находясь за тысячи километров от тебя.

Говорят, ты счастлива...

Будучи ребенком, я верил, что если выйти за дверь и зайти обратно, все можно изменить. Испачканная скатерть снова станет белой, разбитая чашка – целой. Я закрывал глаза и долго держал их закрытыми, чтобы волшебные, невидимые человечки расставили все по местам. Я вырос, но, кажется, не перестал верить. Я просто забыл, как это делается.

Кто-то дергает меня за плечо. Понимаю, что все еще в такси, и мне пора выходить. Подхожу к дому, машинально набираю код на входной двери, и тут меня осеняет: проживая в этом доме больше года, я в первый раз осознаю, что четырехзначное число кода в точности совпадает с последними четырьмя цифрами мобильного Аи... Почему же я не замечал этого раньше?

Ты как-то сказала, что совпадений не бывает, а наша с тобой встреча уже была predetermined заранее. Я тогда не придавал значение твоим словам, просто улыбнулся и потрепал тебя по щеке.

А сейчас я просто хочу быть с тобой... Да, быть может, ты счастлива, но я хочу услышать об этом от тебя.

Вытащив телефон из кармана, я хочу набрать номер, который не набирал уже больше года. Но прежде мне нужно кое-что сделать...

Расим, художник

В квартире – бедлам, в голове сумбур, а на сердце... На сердце появилось маленькое, белое пятнышко. Оно растет, крепнет и согревает. Я знаю, мне еще долго придется за ним ухаживать, чтобы не потерять вновь. Вспомнил Нику. Красивая, уверенная, знала, чего хотела, во всяком случае, мне так казалось. В последний день нашей с ней встречи мне было крайне странно наблюдать проскользнувшую слабость в сильной, на мой взгляд, женщине.

Мы хотим показаться сильными, когда боимся признаться себе в своей слабости. Я всю свою жизнь был слабым, прикрываясь властью, жестокостью, непреклонным характером, только бы не проявить слабость. Нигде и ни при каких условиях. Ая не видела моей силы, не видела слабости, она просто была моим другом. Она видела меня таким, какой я есть. Старый, влюбленный дурак.

Среди нас всех эта маленькая хрупкая женщина с печальным и очень глубоким взглядом оказалась самой сильной. Она не боялась показаться слабой.

Проковыляв в кухню, оставшуюся практически единственным более-менее чистым местом в моей квартире, я наливаю себе чай. Горячий напиток медленно, приятно разливается по моему желудку. Ладони, перепачканные краской, греются о стенки красной кружки. В ней пила воду Ника, когда пришла ко мне с просьбой в последний раз.

Набираю номер старого знакомого:

– Салам, Анар Гасанович.

– Салам, Расим, дорогой, давненько не общались, – слышался бас старого скульптора.

– Да, сам знаешь, время летит, а оглядываешься – вроде и нет ничего позади...

– Это верно, я сам даже не помню, чтобы для себя жил. Все для них, для детей.

– Я что хотел попросить, Анар Гасанович. Помнишь паренька, за которого я похотатайствовал, чтобы его по контракту за границу отправили?

– Что-то припоминаю, родственник, кажется?

– Да, да, почти... Так вот, не подумай, что совсем из ума выжил, но не мог бы ты его вернуть, отозвать, что ли. Пусть теперь на родине поработает.

– Все в порядке?

– Да, все путем. Просто слышал, жениться хочет, на родину тянет. Но так, чтобы не понял, что помогли. Ну, ты сам понимаешь.

– Да не волнуйся, друг. Все сделаю. Перезвоню.

Не прошло и пяти минут, как телефонный звонок заставил меня вздрогнуть. Я не ожидал такого скорого звонка от Анара.

– Расим, дорогой.

– Да, Анар Гасанович.

– Слушай, тот паренек, ну родственник твой, короче, говорят, уволился он. Я что-то не понял, переспросил. Сказали: тот самый, уже больше года, как переехал. Внезапно что-то решил. Ты уж извини, тут я бессилен.

– Да что ты, спасибо, что побеспокоился. Домашним привет, – наспех проговорил я и отключился.

Воистину, пути Господни неисповедимы...

Ая

Здесь, на высоте, окруженная снегом, мокрая и уставшая я, наконец, начинаю приходить в себя. Я не знаю, исполнится ли мое желание. Не знаю, но искренне в это верю. Верю в то, что, несмотря на все тяготы жизни, на оплеухи и удары судьбы, я выживу. Снег стал для меня новой, чистой страницей жизни и я обязательно напишу на ней свою новую историю.

Стянув с себя мокрую от снега и воды перчатку, я нахожу в кармане телефон. Пора сделать то, чего я не сделала еще тогда. Пора сделать выбор. Замерзшей, но твердой рукой я набираю старый, но до боли знакомый номер, как вдруг мой звонок прерывается от уведомления принятого письма.

Долго смотрю в экран телефона, пытаюсь понять, какой знак мне был дан свыше. Сказать, что я не верю во всякого рода чудеса, значит, солгать самой себе. Внезапное письмо от Ники, на вершине горы, посреди замерзшего водопада кажется самым настоящим знаком. Посланием с верхнего этажа.

Я всегда любила Нику, со всеми ее плюсами и минусами, со всеми за и против. Я часто повторяла фразу, которая ей не нравилась:

– Никуля, мне без тебя хуже, чем с тобой. Она обижалась:

– Это современное признание в любви единственной подруге? Ну, спасибо.

– Не обижайся, ты же знаешь, что я без тебя никак.

Я крепко обнимала все еще обиженную Нику, а она никогда не сопротивлялась.

Поднимаю глаза к небу и шепчу:

– Никуля, милая, не знаю, что ты мне хотела сказать своим письмом, не знаю, как оно у меня оказалось. Только знаю, что всегда любила тебя. Помолись там, за наше счастье.

Ника никогда не рассказывала мне о своих отношениях с Аязом, но я с самого начала знала, что между ними что-то было. Что-то было в ее взгляде, когда она смотрела на нас. Что-то минорное. Ностальгия по прошлому... Ника не касалась этой темы, я – тем более. Слишком сильно я была влюблена, слишком сильно хотела быть рядом с ним. Вот и не удержала...

Начинает медленно темнеть и нежно-голубые облака покрываются сероватой дымкой. В какой-то момент я вижу лицо Аяза. Он смотрит пристально, будто бы хочет что-то сказать.

Встряхнув шапку, напялив мокрые перчатки, я в последний раз оглядываюсь на водопад.

– Спасибо тебе, Господи, за все...

Аяз

Сажусь на ступеньки перед домом и хочу закурить. Поискав в кармане пиджака сигары, вдруг вспоминаю, что забыл их в баре. Ты не любила запаха табака. Вечно жаловалась – он впитывается в твою одежду и волосы.

Жизнь – удивительная штука. Получив то, к чему стремились, мы, чаще всего, хотим обратного. Мне сейчас неописуемо легко, впервые за долгое время. Будто бы невидимые, связывающие меня нити, оборвались одна за другой. Я вдыхаю теплый влажный воздух и вспоминаю Баку.

Как-то прогуливаясь по бульвару, ты остановилась около маленькой елки.

– Аяз, смотри, какая она еще маленькая. Как думаешь, выживет в эту зиму?

– Должна, куда она денется.

– Хотелось бы... А давай желание загадаем.

– Какое, родная?

– Каждый свое, – улыбнулась ты и попыталась разорвать веревочку маленького браслета на руке.

– Давай помогу, только браслетик испортится.

– Ничего, желание важнее.

Ты не разрешила поделиться желаниями, побоялась нарушить чары всего действия. Я улыбался твоему детскому восторгу. Улыбался и жил этим моментом.

Знаешь, что я тогда загадал? Я хотел всегда быть рядом с тобой. И это правда...

Вырываясь из паутины своих необоснованных сомнений, из болота прошлых ошибок, из омуты несбывшихся желаний, я, наконец, набираю твой номер...